

нём не раз критически оценивается архаика русской крестьянской общины. Вывод же автора выглядит, без преувеличения, сокрушительно: роковую роль в судьбе аграрной модернизации России наряду с политическими факторами сыграл «архаично-дремучий крестьянский традиционализм, который в обстановке военных лишений Первой мировой войны проявил свои худшие качества, в том числе стремление к самоизоляции и... круговую общинную поруку насилия и грабежа» (с. 495). Впрочем, исследователь признаёт также и недостатки самих аграрников-дворян, которые, например, возлагали порой неоправданные надежды на сотрудничество с верховной властью, поздно осознали значимость крестьянской кооперации, недооценивали роль женщин в сельском хозяйстве (с. 489).

Книга С.А. Козлова весьма актуальна и полезна для отечественной науки, прежде всего с учётом поставленной в настоящее время задачи обеспечения продовольственной безопасности России. Вместе с тем представленные в исследовании по-

ложения и выводы российской аграрной науки ушедшей эпохи являются во многом безвозвратно утраченным наследием. Таким образом, рецензируемое издание оказывается не только веским свидетельством историка, но, по сути, серьёзным обличением широкомасштабных и в основе своей антинациональных экспериментов, которые принесли нашей стране в XX в. столько бедствий.

## Примечания

<sup>1</sup> См., например: Козлов С.А., Анкудинова А.М., Иерусалимский Ю.Ю. Ярославская земля в древности. Ярославль, 2001; Козлов С.А., Дорожкина Н.И. Правление Екатерины Великой: Сложные вопросы на уроках истории. Учебное пособие. М., 2010; Козлов С.А. Русские люди об англичанах в XIX — начале XX в. М., 2015.

<sup>2</sup> Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечернозёмные губернии) / Отв. ред. А.В. Семёнова. М., 2002; Козлов С.А. Аграрная рационализация Центрально-Нечернозёмной России в пореформенный период (по материалам экономической печати) / Отв. ред. В.Я. Гросул. М., 2008; Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечернозёмной России в конце XIX — начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012; и др.

*Валерий Дурновцев*

**Рец. на: Э.Г. Истомина. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII — начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с., ил.**

*Valeriy Durnovtsev*

*(Russian State University for the Humanities, Moscow)*

**Rec. ad op.: E.G. Istomina. Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII — nachalo XX v.). Moscow, 2019**

DOI: 10.31857/S086956870012213-5

Научные интересы Э.Г. Истоминой давно и прочно связаны с исторической географией и смежными с ней направлениями. В известной мере её работы не только являются фактом научной биографии, но и отражают тенденции развития этой специальной исторической дисциплины.

Их характерной особенностью является «историзация» проблематики, традиционно относящаяся к естественным наукам. Таковы исследования водных путей и ресурсов во второй половине XVIII — начале XIX в., водного транспорта в дореформенный период и др., которые можно объе-

динить заголовком «История воды в России»<sup>1</sup>. Органичным продолжением этой проблематики стало исследование русского леса, его экологической, социоэкономической, социокультурной истории. По аналогии с известной работой Х. Кюстера<sup>2</sup> новая монография Истоминой — взгляд российского автора, давно и успешно сочетающего в научном творчестве классические образцы и новации национальной историографии.

Взаимодействие человека и природы во времени, т.е. история окружающей среды (*Environmental History*) или, в вольном переводе, экологическая история, является одним из ведущих и перспективных научных направлений зарубежной историографии. И хотя Истомина осторожно указывает, что рассматриваемые ею проблемы относятся к ней лишь «отчасти» (с. 287), на деле рецензируемое исследование проведено именно в этих дисциплинарных границах — конечно, размытых, легко проникающих в другие сферы научного познания. Своей монографией автор опровергает категоричность зарубежных экоисториков, время от времени заявляющих об общей слабости разработки экологической истории в России. Это неправильно и несправедливо. В отечественной исторической и экономической географии задолго до возникновения и быстрого распространения за рубежом *Environmental History* (вторая половина 1960-х — 1970-е гг.) исследовались, в сущности, те же вопросы и сюжеты. Другой вопрос — использование этого словосочетания в исследовательских практиках, но существо дела куда важнее терминологических экзерсисов.

Книгу открывает содержательный историографический очерк. Хорошо, что он не превращён в библиографическое обозрение с минимизацией качественных характеристик. Тем более

что в тексте монографии так или иначе учитывается весьма разнообразная литература. «Лесная история» привлекала внимание в первую очередь лесоводов, почвоведов, географов, ботаников, предвосхищая нынешнюю популярность и эффективность междисциплинарных подходов. Но и историки на концептуальном уровне не раскрывали многие существенные стороны исторического процесса, связанные с лесом. Объективно они принимали деятельное участие в формировании феномена, который принято относить сейчас к экологической культуре, популяризации экологического знания. «Природу страны» выставлял в качестве важнейшего фактора русской исторической жизни С.М. Соловьёв. «Лесная колонизация» принадлежит к терминологическому репертуару В.О. Ключевского (с. 16—19).

Предэкологическая или доэкологическая история в России — это по большей части историческая география. В известных лекциях С.М. Середонина даётся такое определение этой отрасли знания, предвосхищающее возникновение экоистории: «Изучение взаимных отношений природы и человека в прошедшем. Как изменил человек природу, с одной стороны, как повлияла она на физическую и духовную организацию, с другой стороны, — вот вопросы, на которые должна бы ответить историческая география». Но, продолжал учёный, современный уровень знаний не позволяет ей решать такие масштабные вопросы и приходится определить предмет уже<sup>3</sup>. Возможно, что словосочетание «историческая география окружающей среды» удачно перекликается с этим прогнозом.

Эпиграфом к книге стали строки из романа Л.М. Леонова «Русский лес»: «Лес входит в понятие Отечества». Знакомство читателей

с русским лесным богатством и его состоянием на протяжении двух веков начинается с известной «Лесной энциклопедии». Широко привлечены данные авторитетных исследований Л.В. Тагенборского о производительных силах России (1854), лесистости страны и её характеристике по природным зонам (Ю. Жебенко, 1862), представителей геоботанической школы А.Н. Бекетова и В.В. Докучаева. Обращает на себя внимание мелком высказанное соображение, что учение последнего о зонах природы и некоторые другие статьи являются яркими опытами объединения «двух культур» — гуманитарной и естественнонаучной, на чём много позже настаивал знаменитый писатель и физик Ч.П. Сноу<sup>4</sup>. Отдано должное и создателю учения о типах лесов Г.Ф. Морозову. Представлена общая картина распределения лесных ресурсов по стране, связанная в числе прочего с проблемой лесистости, рассматриваемой в сравнении с рядом европейских стран, проектами районирования лесохозяйственного пространства Европейской России.

Пожалуй, центральное место в исследовании занимает государственная политика в сфере лесного хозяйства. Это неудивительно, ведь государство оставалось самым крупным лесовладельцем (две трети всей площади лесов Европейской России). Её рассмотрение естественно начинается с анализа законодательной практики Петра I, направленной на сохранение угодий ради государственных интересов, прежде всего удовлетворения нужд кораблестроения. Соглашусь с автором: это были первые признаки зарождения национальной политики (с. 287). Понятие о лесе как исключительно государственном достоянии было разрушено указом Екатерины II от 22 сентября 1782 г., в соответствии с которым на первое мес-

то выдвигалось финансовое значение таких ресурсов. Представление о них как о доходном имуществе мало-помалу становилось господствующим. Лесной фонд разделялся на две категории: казённые (государственные) и частные (владельческие), а также въезжие и спорные. Автор отмечает неоднозначность этого решения, приведшего во многих случаях к беспорядочной рубке лесных массивов в поместьях. Но присутствуют и факты охраны и сбережения лесов.

Правовая регламентация, структура и практика лесоуправления прослеживаются в соответствии с хронологическими рамками исследования. В частности, последовательно рассмотрена деятельность Вальдмейстерской конторы, затем Лесного департамента — органа центрального управления, много лет переходившего из одного ведомства в другое, что привело к раздроблению значительной части лесов между отдельными владельцами. Переломным этапом в государственной политике стали создание Министерства государственных имуществ, а вслед за этим утверждение Положения о корпусе лесничих.

Особое внимание уделено истории охраны заповедных, корабельных лесов, необходимых для строительства флота и в определённой мере для нужд военного и дорожного ведомств. С учреждением Министерства финансов и включением в его состав Лесного департамента управленческие функции расширились. В 1811—1837 гг., в период существования Департамента госимуществ, в нём сосредоточились все дела, касавшиеся государственных угодий. В соответствии с Уставом о корабельных лесах 1817 г. они подверглись административно-территориальному делению на три округа. Эти крупные образования определили специфические условия развития значительной тер-

ритории Европейской России. Они способствовали развитию лесопромышленности, транспорта, дорожного строительства, внутренней и внешней торговли, обуславливали геоэкономическую целостность отдельных регионов страны.

Особое место, по обоснованному мнению автора, занимают разработка Положения о сбережении лесов 1888 г. и его правоприменительная практика, обеспечившая, в частности, надзор над частнохозяйственными лесами, а также преобразование Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и госимуществ (1891). Отмечена гипертрофированная централизация управления в этот период. Обращено внимание на опыты расширения местного лесного управления.

Отдельная глава исследования посвящена вопросам лесопользования. Обоснованно отказавшись от современного понятия «лесная промышленность», автор рассмотрела развитие деревообрабатывающей промышленности в двух формах — предприятий фабрично-заводского типа и кустарных производств. В общем виде затронуты вопросы внутренней и внешней торговли лесом, охоты и бортничества. Рассмотрены этноэкологические аспекты традиционной крестьянской культуры лесистых территорий; использование дерева как универсального материала в архитектуре, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве; образ леса в русской литературе и живописи; лесной ландшафт как памятник культуры.

Шаг за шагом в монографии прослеживается, как проблема сохранения лесного фонда перерастала ведомственные рамки, овладевала общественным сознанием. С одной стороны, отмечено повсеместное истощение лесов во второй половине XIX — начале XX в., особенно по-

сле Крестьянской реформы 1861 г. С другой — фиксируется постепенное понимание обществом и властями необходимости решения задачи их сбережения. В конце концов это выразилось в «лесоохранительном законе» 1888 г. В соответствии с ним воспрещались опустошительные рубки, расчистка лесной почвы без достаточных на то оснований, полное подчинение общим лесохозяйственным правилам защитных и водоохранных лесов. Однако эта стратегия коснулась преимущественно государственных лесов.

Автор рисует противоречивую картину правоприменительной практики. Растянувшееся на десятилетия обсуждение лесных проблем не решило и не могло разрешить трудностей, обусловленных региональным разнообразием пространств, наличием частных и государственных лесов, однако привлекло внимание к проблеме. Постепенно идея рачительного отношения к лесу, неприятие гонки за доходностью проникла в сознание. «Лесной мир» как среда обитания открылся российскому обществу.

Русский лес оказался одним из важнейших источников формирования экологических знаний и культуры в стране. Их обзор, несмотря на понятную краткость, насыщен многими ценными свидетельствами. Образованное в 1845 г. Общество для поощрения лесного хозяйства вошло в состав Вольного экономического общества, а в «Трудах» последнего тема леса заняла достойное место. Важную роль в привлечении внимания образованных слоев общества сыграли известные академические экспедиции второй половины XVIII в., Русское географическое общество. Для укрепления «лесной власти» на местах с 1805 г. создавались лесные инспекции. Появились и первые

учебные заведения высшего и начального лесного образования.

Не последнюю роль в формировании экологической культуры, включающей в себя и проблему леса, сыграла русская и переводная литература. Истомина обращает внимание на вызвавшую мировой общественный резонанс и, между прочим, оказавшую спустя столетие сильное воздействие на формирование экологической истории книгу американского учёного и дипломата Дж. Марша «Человек и природа»<sup>5</sup>. Наконец, художественная, историческая литература, публицистика. Тут что не имя, то отложившиеся в памяти многих поколений выдающиеся произведения С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина...

Разумеется, феномен леса в отечественной истории и культуре настолько многообразен и существенен, что под одной обложкой с одинаковой полнотой могли быть рассмотрены далеко не все вопросы. Понятно и то, что судьба русского леса является важной, но не исчерпывающей составляющей экологической и социально-экономической истории страны, в том числе и в рассматриваемых

в книге хронологических пределах. Но главное: монография Э.Г. Истоминой подтверждает эффективность исследований национального прошлого в контексте экологической истории, взаимодействия русского человека и окружающей и изменявшейся под его воздействием природно-географической среды. Многие её страницы могут рассматриваться как путеводитель и одновременно сигнал новым поколениям историков (в том числе экологических) для выбора и переосмысления экоисторической проблематики в контексте общей истории страны.

### Примечания

<sup>1</sup> Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX вв. М., 1982; Истомина Э.Г. Водный транспорт в России в дореформенный период. Историко-географические исследования. М., 1991.

<sup>2</sup> Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. М., 2012; Изд. 2. М., 2018.

<sup>3</sup> Середонин С.М. Историческая география: лекции, читанные проф. С.М. Середониным в Императорском петроградском археологическом институте. Пг., 1916. С. 1.

<sup>4</sup> Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. С. 195.

<sup>5</sup> Марш Г. Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.

*Фёдор Гайда*

**Рец. на: В.Н. Шаховской. Так проходит мирская слава. 1893—1917 / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликов. М.: Ретроспектива; Кучково поле, 2019. 704 с.**

*Fyodor Gayda*

*(Lomonosov Moscow State University;*

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)*

**Rec. ad op.: V.N. Shakhovskoy. Tak prokhodit mirskaya slava. 1893—1917. Moscow, 2019**

**DOI: 10.31857/S086956870012214-6**

Мемуары князя Всеволода Николаевича Шаховского впервые вышли в Париже ещё в 1952 г.<sup>1</sup> Их автор при-

надлежал к последнему поколению высшей бюрократии Российской империи, выдвинутому на первые роли